

УДК 947.04+929

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ: АПОЛОГЕТ ИЛИ КРИТИК САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ?

© 2010 г. В.И. Бондаренко

Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006,
decanat@hist.sfedu.ru

Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006,
decanat@hist.sfedu.ru

Рассматриваются религиозно-политические аспекты в публицистике Иосифа Волоцкого. Показана эволюция концептов игумена относительно роли, пределов и миссии великокняжеской власти в конце XV – начале XVI в. Предлагается альтернативная интерпретация взглядов Иосифа Волоцкого сквозь призму эсхатологических ожиданий эпохи.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, эсхатология, Иван III, Василий III, просветитель, ересь, историософия, идеология самодержавной власти.

The article is devoted to the religious political aspects of Joseph Volotsky's publicism. Joseph's ideas evolution concerning the role, limits and mission of grand prince's authority at the end of XV – beginning of XVI centuries has been regarded here. Alternative interpretation on the base of eschatological expectations of Joseph's Volotsky political views has been put forward in the article.

Keywords: Joseph Volotsky, eschatological expectations, Ivan III, Vasily III, educator, heresy, philosophy of history, ideology of the autocratic power.

Фигура преподобного Иосифа Волоцкого как в истории Русской Православной церкви, так и в русской религиозно-политической мысли весьма не однозначна. Был ли волоколамский игумен оригинальным мыслителем своего времени? Какова была его позиция по отношению к светской власти? Склонен ли был он ставить святительскую власть выше власти великого князя? Мы не находим единства мнений по указанным вопросам. Одни исследователи усматривали в нем сторонника сильной воинствующей Церкви, другие, напротив, считали его официальным идеологом самодержавной власти вплоть до сакрализации роли и миссии монарха.

По-нашему мнению, погружение затронутой проблемы в контекст эсхатологических чаяний эпохи имеет ценное эпистемологическое значение. Мы попытаемся выдвинуть собственную гипотезу об эволюции взглядов Иосифа Волоцкого относительно великокняжеской власти на основе текстуального и контекстуального анализа публицистического наследия преподобного игумена. Исследование будет проведено в аспекте религиозно-психологического восприятия событий русской истории, которая, согласно преданию святых отцов Церкви, стремилась к своему завершению. Возможно, именно эсхатологический фактор в интерпретации сочинений Иосифа Волоцкого поможет преодолеть противоречие его концептов о роли и пределах власти монарха.

Источники, дошедшие до наших дней, содержат сведения, что в конце XV в., а именно в 1492 г. в Московском государстве, как и на всем православном Востоке, с тревогой ожидали окончания человеческой

истории. По сути в 1492 г. от Рождества Христова истекла седьмая тысяча лет от сотворения мира. Убеждение в том, что мир простоит семь тысяч лет, было основано на довольно простом сопоставлении. Поскольку Бог, согласно Книге Бытия, создал мир в семь дней, а во 2-м Послании апостола Петра указано, что «у Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день» (2 Пет. 3,8), то земной и человеческой истории по аналогии отпущался путь в семь тысяч лет.

Назвать Иосифа Волоцкого оригинальным мыслителем средневековья не представляется возможным. Скорее игумен был весьма искусным схоластом, который мастерски приспособлял концепты авторитетных христианских мыслителей к своей злободневной публицистике. В «Просветителе» и многочисленных посланиях игумена прослеживается рецепция идей диакона Агапита VI в. о сущности и пределах власти православного царя [1, с. 210]. Согласно ей, естествен царь подобен людям, властью же *сана яко Бог*. Данная формула, как нам представляется, таит в себе возможность по-разному расставить акценты, а следовательно, двояко интерпретировать пределы царской власти. В пылу полемики с еретиками Иосиф, ссылаясь на пример императора Феодосия Старшего, сославшего в заточение патриарха Македония, призывает великого князя искоренять ересь вплоть до митрополита [2, с. 547, 593]. В данном случае власть великого князя распространяется и над духовной властью тоже. Суд царя не «посужается» святительством, и он патронирует Церковь. Однако в третьем слове о почитании икон Иосифа Волоцкого находим мысль о том, что святительский клубок «лучши бо есть венца

царева – той бо в ад сведет, а сия в жизнь вечную введет» [3, с. 421]. К тому же, как это следует из слова VII Просветителя, если царь «царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи» [2, с. 324], то неповиновение такому царю не только возможно, но и необходимо, даже под угрозой расправы. Возникает вопрос, кто должен осуществлять нравственный арбитраж над царем?

Если в одном случае у Иосифа царь есть божий слуга, которому «следует поклоняться и служить телом, а не душой, и воздавать им честь как царю, а не как Богу» [2, с. 324] (акцент на естестве царя), то в другом – он не слуга, но наместник Бога, его волеизъявитель: «Вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас» [4, с. 187] (акцент на сакральность самой власти царя). Здесь же находим идею о том, что царь «подлежит суду и ответственности не пред людьми, а только пред Лицем Всевышняго» [5, с. 116]. Именно эта вторая часть учения Волоцкого была усвоена Иваном Грозным и легла в основу его религиозно-политических воззрений.

Указанная противоречивость отразилась в специальных и общих исследованиях, затрагивающих тему религиозно-политических воззрений Иосифа Волоцкого. Если В.И. Жмакин [6, с. 149], В. Вальденберг [1, с. 203], М.А. Дьяконов [7, с. 320 – 321], М.Н. Коваленский [8, с. 14], М.Н. Покровский [9, с. 78], И.У. Будовниц [10, с. 100] полагают, что в сочинениях Волоцкого прослеживается право вмешательства государя в дела священства, то Б.А. Рыбаков [11, с. 3 – 4, 27], Я.С. Лурье [12, с. 261] и А.А. Зимин [13, с. 161 – 162] считают, что он по убеждениям ставит священство выше царства, а признание сакральности и верховенства царской власти было конъюнктурным явлением [12, с. 240].

Мы предлагаем свою гипотезу в интерпретации идеологической направленности Иосифа Волоцкого и склонны согласиться с В. Вальденбергом в том аспекте, что Волоцкий имел определенный мироззренческий стержень на протяжении всей своей публицистической деятельности. Однако представляется спорным следующее утверждение дореволюционного автора: «Вообще, ни в одном из элементов его (Иосифа Санина. – В.Б.) учения о тиране нет никаких указаний на то, чтобы оно было навеяно фактами современности» [1, с. 216].

Как было указано вначале, публицистика Волоцкого и его современников развивалась в контексте эсхатологических ожиданий эпохи. Весьма примечательно, что всплеск борьбы с еретиками приходится именно на 90-е гг. XV в. Советские исследователи рассматривали эту ожесточенную борьбу с еретиками русского духовенства как борьбу за владельческие права церковей и монастырей. Однако, как указал еще Я.С. Лурье, обращение к сочинениям Иосифа конца XV – начала XVI в. позволяет сделать неожиданный вывод: «До 1503 г. (а может быть, и до 1507 г.) защита монастырского землевладения не только не была центральной темой в творчестве Волоколамского гумме-

на, но и вообще не занимала места в его творчестве» [12, с. 246 – 247]. Историк приходит к выводу, что в 90-е гг. Иосиф защищает скорее право на существование монашества как института от нападков еретиков. Можем резюмировать, что антиеретическая борьба конца XV в. была обусловлена не материальными факторами, а идеологическими.

В Откровении Иоанна Богослова содержится наиболее яркое и ужасающее пророчество о пришествии Антихриста на исходе человеческой истории. Здесь он изображается как чудовищный зверь, на головах которого имена богохульные, и вся земля поклонится зверю. Но в послании Павла (2 Фес. 2,9), в Откровении Мефодия Патарского, а также у Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина Антихрист принимает человеческое обличье. Как антипод Иисуса он будет действовать по принципу зеркального отражения. Появится на свет за тридцать три года до светопреставления и будет ему власть дана на три с половиной года (Откр.13,5). Не случайно в летописях подчеркивалось, что в этот год (6967 от сотворения мира) Пасха совпала с Благовещеньем, как в год распятия Христова. В пасхалии на 1457 – 1461 гг. содержатся следующие строки: «В лето 6967 (1459 год. – В.Б.) будет Рождество Антихристово...И будет плач велик тогда по всей земли вселенской...Зде страх, зде скорбь, зде беда велика!... чаем всемирное Твое Пришествие Владыко. Умножится беззакония на земли, пощади нас, о Владыко» [14, с. 56].

Во всех библейских пророчествах, святоотеческой литературе, апокрифических текстах указано, что в последние времена будет отступление от веры, распространение ересей, падение нравственности и богохульство. «И многие лжепророки восстанут и прельстят многих» (Мф. 24, 11), «...будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую гибель» (2 Петр. 2,1).

Древние предания оживали на глазах у Иосифа Волоцкого. Ереси стригольников, а после новгородская ересь жидовствующих не могли оставить святителя равнодушным. Ересь жидовствующих распространялась стремительно, потому как именно переход в иудейство откладывал для христиан, не питавших мистического восторга от предстоящего светопреставления, возможность отложить Страшный суд на долгие годы. Но это было не только проявлением малодушия. Переход в «жидовство» сопровождался глумлением над символами христианской веры. Дабы избежать православного Апокалипсиса люди грубо отрекались от поклонения иконам, кресту, хулили Евангелия.

В Первом Соборном Послании апостол Иоанн увещевал христиан: «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына. Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца, а исповедующий сына имеет и Отца» (1 Иоан. 2, 22 – 23). Таким образом, «человек греха» отвергнет всяческий предмет божеского почтения»

[15, с. 118]. Как утверждал Н. Виноградов, со времен победы Христа над сатаной «душой истории стала борьба сатаны против Церкви Христовой» [15, с. 117]. Кульминацией этой борьбы для русского народа становятся как раз события конца XV в.

Согласно словам апостола Павла, а также апокрифическому Откровению Мефодия Патарского, противостоят пришествию Антихриста должен последний правверный царь.

Апостол Павел учил, что Антихрист – это не только «человек греха» и «сын погибели», но и «беззаконник». Однако «тайна беззакония...не свершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2,7). Иоанн Златоуст, традиционно признававшийся лучшим толкователем посланий апостола Павла, понимал под «удерживающим теперь» в широком смысле римское государство, в узком – верховного правителя этого государства [16, с. 598]. Мефодий Патарский также миссию противления злу и Антихристу возлагал на последнего царя Михаила. Смерть последнего – начало царства Антихриста. Царь последних времен должен был стать образцом благочестия. «Он крестит всех неверных и восстанovit кресты на храмах» [17, с. 17].

Однако ряд фактов свидетельствует о том, что Иосиф Волоцкий не склонен был признавать прорицаемого последнего царя в Иване III. После смерти старца Пафнутия в 1479 г. Иосиф был назначен игуменом Боровского монастыря, но вскоре его покинул и перешел из владений великого князя Ивана III во владения его брата – удельного князя Бориса Волоцкого. В Послании монахам Пафнутьева монастыря Иосиф прямо объяснял этот переход столкновением с Иваном III, забиравшим монастырских «сирот» (крестьян), и опасением, что его враждебные отношения с великим князем могут грозить «нежалованием» всему монастырю [4, с. 36]. Волоцкий скорее угадывал в великом князе предтечу Антихристу, чем легендарного благочестивого царя Михаила. На то у него были весьма существенные причины. Согласно толкованию Иоанна Златоуста, до того как не изрушится порядок, установившийся в Римской империи, которая будет последней по пророчеству Даниила, «сын погибели» не будет иметь силы. Но тайна беззакония уже в миру, т. е. процесс разрушения уже идет, но пока завуалировано. Результаты же его станут явными. Иосифа настораживает та ломка удельных политических традиций, которая имела место при Иване III. Потомки назвали этот процесс централизацией и дали ей положительную оценку. Однако Волоцкий, что жил с мироощущением последних времен, ничего хорошего в этой «централизации» не видел. По сути централизация была той самой братоубийственной войной или борьбой, которую предвещали накануне светопреставления и апостол Матфей, и Павел, и святые отцы Церкви.

Осенью 1472 г., после внезапной кончины князя Юрия Васильевича Дмитровского, его выморочный удел, согласно древней традиции потомков Калиты, следовало разделить по долям между всеми братьями.

Однако Иван Васильевич не хотел увеличения их уделов и все владения Юрия взял себе. Младшие братья Борис и Андрей Меньшой должны были довольствоваться лишь мелкими подачками [18, с. 46]. Зимой 1478 – 1479 г. Андрей Большой отправился во второй поход Ивана III на Новгород. Древняя столица севера пала к ногам «государя всея Руси». Это была добыча куда более ценная, чем удел Юрия Дмитровского. Но и на сей раз младшие братья не получили практически ничего. Напротив, Иван, вопреки всем нормам и традициям, стал грубо нарушать их суверенные права в уделах.

В связи с этим вряд ли случайным был переход Иосифа Санина в удельное княжение к Борису Волоцкому как раз в тот момент, когда возник сговор оскорбленного [18, с. 47] Бориса Васильевича с братом своим удельным князем Андреем Углицким против великого князя Ивана. Переход Санина стал настоящим политическим демаршем новоявленного игумена против верховной светской власти.

Весьма примечательна и сама хронология этих событий. В интерполированной редакции «Откровения» Мефодия Патарского содержится сюжет о возвращении по божьей воле благоверного царя Михаила с некоего морского острова, где он пребывал неопределенное количество лет, на трон в Иерусалиме. Править он должен был 12 лет, по окончании которых сатана вступит в свои права и свершится конец света [17, с. 105 – 106]. Борис Волоцкий приступил к осуществлению своего плана совместно с братом Андреем «отложиться» от великого князя в начале 1480 г. Подчеркнем, именно за 12 лет до ожидаемого светопреставления, два удельных князя со своими войсками и придворными отъехали в Великие Луки, к самой литовской границе. Оттуда они послали Ивану ультиматум, требуя восстановить справедливость и угрожая в противном случае уйти в Литву под покровительство Казимира IV. Гипотетически мы можем полагать, что переход Иосифа был навеян пророчеством епископа Патарского. Иосиф Санин мог рассчитывать на успешный переворот Бориса Волоцкого, в благочестии которого он не сомневался. Конечно, это только догадка. Но она может быть подкреплена фактом широкого распространения на Руси интерполированной редакции «Откровения» именно в XV в., в ней, как отмечает В.В. Мильков, вставка о возвращении царя Михаила с острова была исключительно русского происхождения [19, с. 38]. Дореволюционный исследователь В. Истрин, доказывая актуальность «Откровения» на Руси XV в., писал, что «замечания о последних царях и царе Михаиле» были распределены в летописях «по годам второй половины XV в., кончая 1492 г.» [17, с. 242]. К тому же сам Иосиф Волоцкий был склонен к поиску настоящего царя, как это следует из его позднего послания боярину И.И. Третьякову по поводу его перехода под патронат Василия III: «Яз того ради такого государя *нашел* (выделено нами. – В.Б.), которого суд не поужается» [4, с. 238].

Нам представляется спорным мнение В. Вальденберга о присущей Иосифу Волоцкому абстрактности в

его религиозно-политических размышлениях о царе-мучителе. «Если бы, – пишет исследователь, – учение Иосифа было, действительно, вызвано недовольством политикой Ивана III, то в начертанном им образе тирана мы заметили бы сходство с этим государем. Но этого нет» [1, с. 250]. Далее автор разъясняет, что признаки тирана у Иосифа отличаются большой расплывчатостью, а выделяет он четко только неверие и хулу. В. Вальденберг сомневался, что под ними «он разумел недостаточную ревность (Ивана III. – В.Б.) в преследовании еретиков» [1, с. 216].

Однако не стоит забывать, что Иван Васильевич не только не проявлял рвения в наказании еретиков, но и благодетельствовал некоторых из них. Так, новгородского священника-еретика Алексея, не дававшего покоя архиепископу Геннадию, он поставил протопопом Успенского собора, который тогда был главным собором страны. Видную роль при дворе Ивана III играл дьяк Федор Курицын, который, по мнению Иосифа, был заражен жидовской ересью от привезенных в Москву государем попов Алексея и Дениса [3, с. 471,481]. Сноха государя Елена Волошанка была одной из самых доверенных лиц в государстве как мать венчанного, но несостоявшегося наследника Дмитрия. Елена была замешена в ереси, по поводу которой государь признался Иосифу: «Иван, деи, Максимов... в жидовство свел» [3, с. 436]. Да и сам великий государь в той же беседе с игуменом Иосифом на предпоследнем году своей жизни просил простить его за склонность к еретической лести: «И яз, деи, ведал новгородских еретиков, и ты мя прости в том» [3, с. 436].

Но более всего Иосиф Волоцкий не мог простить Ивану III назначения на митрополичью кафедру Зосимы, что произошло в канун ожидаемого Страшного суда. После кончины Геронтия в мае 1489 г. только лишь в начале сентября 1490 г. кафедру занял игумен Симонова монастыря Зосима. Вряд ли кого-то из еретиков Иосиф ненавидел больше митрополита Зосимы. Волоцкий игумен обильно осыпает его всевозможными ругательствами: «волк злобесный причастник бесом...змий пагубный...первый отступник в святителех в нашей земли, антихристов предтеча» [3, с. 428]. Иосиф укорял его в том, что он Антихриста ждет, «овех убо жидовству учя», «пречистую богородицу похули..., икону господя нашего Иисуса Христа...и всех святых болваны нарицая» [3, с. 428], а также в неверии во Второе пришествие: «Нет, деи, втораго пришествия Христова, нет, деи, царства небеснаго святым!» [3, с. 428]. В более позднем «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф уже не нарицает Зосиму «антихристовым предтечей», но в описаниях его угадывается сам Антихрист: «и господя нашего Иисуса Христа истинаго бога похулив, и глаголюше, яко Христос сам себя нарек богом» [3, с. 473].

Современников потрясло и предпринятое Иваном III масштабное строительство новых соборов на территории Кремля, которое сопровождалось сносом старых церквей и эксгумацией существовавших там древних кладбищ. Составитель летописного свода

1480-х гг. сурово упрекал митрополита Геронтия и Ивана III за проявленное «небрежение» [18, с. 153]. Архиепископ Геннадий писал митрополиту Зосиме по этому поводу следующее: «А ныне беда стала земская да нечесть государская велика (курсив наш. – В.Б.): церкви старые извечные выношены из города вон, да и монастыре старые извечные переставлены» [3, с. 377]. Возмущению Геннадия нет границ и он продолжает: «паки сверх того и кости мертвых выношены на дорогомилото..., да на тех местах сад посажен» [3, с. 377]. Архиепископ приводит в укор князю слова Моисея, говорившего: «Да не насадиши себе садов, ни древа, подле тревника господя бога твоего» [18, с. 154].

Иван III также грубо нарушал духовные своих братьев в пунктах, предусматривавших передачу земли монастырям. Иначе как кошунственными подобные деяния не могли быть восприняты духовенством того времени: земли полагались в корм на помин души, когда она будет проходить воздушные мытарства в загробном мире. Ивана Васильевича подобные сантименты не останавливали. В данном случае он действительно проявил свое неверие и хулу.

Все вышеприведенные доводы позволяют нам не согласиться с мнением В. Вальденберга об абстрактности оригинальных представлений Иосифа Волоцкого о царе-мучителе. Обвинения в неверии и хуле вполне могли быть адресованы игуменом Ивану III, но необходимо сделать поправку на невозможность прямого выражения своего протеста в адрес великого князя. В общественном сознании непрерываемо был авторитет апостола Павла, который учил, что всякая власть есть от Бога. Однако косвенных доказательств нашего опровержения множество.

Мы также не можем согласиться с мнением А.А. Зимина, который рассматривал сближение Иосифа Волоцкого с Иваном III в 1503 – 1504 гг. как одну из причин перехода игумена под патронат великого князя в 1507 году [13, с. 172 – 173]. Беседа, состоявшаяся между великим князем и Волоцким летом 1503 г., была далеко не идиллической. Накануне знаменитого собора государь пообещал «обыскати еретиков», но с выполнением своего обещания он не торопился. К тому же великий князь задал Волоцкому каверзный вопрос: «Како писано, нет ли греха еретиков казнити?» [3, с. 437], намекая на то, что они ведь не государственные преступники и вина их только в блуждании ума, против которых должны применяться духовные методы. После этого Иосиф Санин приводит в своих сочинениях целую подборку прецедентов из византийской истории и библейских указаний в пользу необходимости самой суровой казни еретиков. Однако Иван III ссылаясь на авторитет Иоанна Златоуста, сказавшего: «недостойно нам убивати еретики». Иосиф объясняет слова Златоуста, как это следует из XIII слова «Просветителя», таким образом: главная мысль заключается в слове нам, то есть епископам, священникам и инокам не должно этого делать самим [2]. Если бы Златоуст говорил тут же о царях и судиях земских, то он не сказал бы «нам». Затем Иосиф переходит к изложению обязанностей царей, князей и су-

дей земских, которым святые апостолы и преподобные отцы повелели карать злодеев.

После собора 1504 г., на котором председательствовал наследник Василий Иванович, но конечную участь еретиков определял Иван III, лица, уличенные в ереси, понесли различные наказания. Что характерно, в Москве были сожжены те еретики, которые состояли в придворном кружке Елены Волошанки: Иван Волк Курицын, Иван Максимов и некто Митя Пустоселов, – а вот других еретиков разослали по монастырям на «перевоспитание». Так, в Волоколамский монастырь был отправлен один из них купец Семен Кленов причем «вместе с его еретическими книгами» [20, с. 211]. Последнее распоряжение исходило от воли великого князя – отца. Это событие могло только оскорбить Волоцкого как яростного сторонника казни всех еретиков, он отказывался верить в какое-либо покаяние оных. Игумен пишет послание Ивану III, в котором выражает свое крайнее неудовольствие по этому поводу. Он пишет, что вообще не должно еретиков рассылать по обителям и тем делать пользу мирянам и гибель инокам.

Таким образом, мы можем констатировать, что до последних дней жизни Ивана III Иосиф Санин не изменил своего критического отношения к нему. Государь так и не стал для Волоцкого тем самым благочестивым царем последних времен. Именно поэтому на протяжении всей публицистической деятельности Иосифа высшие религиозно-политические эпитеты были отнесены Волоцким отнюдь не к Ивану III. «Главою всем» [12, с. 244] Иосиф считал епископа Суздальского Нифонта, что был в своей вере тверд, а главное всегда занимал непримиримую позицию к еретикам и был оппозиционно настроен по отношению к великому князю. «Добрый пастырем» именуется Иосиф архиепископа Геннадия, который устроил жестокую показательную казнь над еретиками в 1490 г. в Новгороде [3, с. 130]. А Иван III оставался для него «обновителем древнего Каинова зла» [4, с. 256], злодеем и «гробокопателем».

Однако совершенно иное отношение Волоцкого можно обнаружить к сыну его Василию III. В пользу симпатий Волоцкого к Василию говорит и тот факт, что во времена придворных интриг Василий и его мать София Палеолог в пику кружку Елены Волошанки заняли антиеретическую позицию. Царевне Софии не нравилось расположение великого князя к Дмитрию – внуку и его матери. В конце 1497 г. Иван III раскрыл заговор царевны и наследника Василия против Елены Волошанки – они попали в опалу, и вскоре состоялось венчание Дмитрия-внука. С возвышением же Василия Ивановича начинается эпоха соборов о церковном устройении, видную роль на которых играл и Иосиф Волоцкий.

Послание к наследнику Василию Ивановичу, написанное в то же время, что и послание государю на Кленова, уже пропитано духом преклонения пред благочестием наследника. В нем впервые читаются дифирамбы в адрес великокняжеской власти, здесь находим первые намеки на высокое предназначение и

сакральность великокняжеской власти. Здесь он еще ставит в укор Ивану III, что он еретиков «покаянию поверил и дал им ослабу» [3, с. 520], но на царственного Василия он возлагает большие надежды: «ино, государь, никому не возможно тое беды утолить, разве тебя, государя и самодержца всея Руския земля» [3, с. 520]. Что примечательно, в этом же послании Иосиф впервые сформулирует ту мысль, что после войдет в XVI заключительное слово «Просветителя»: «Вас бо бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи на вас» [2, с. 519].

В дальнейшем, когда в 1507 г. Иосиф Волоцкий самовольно перейдет под патронат к Василию III, разгорится его ссора с архиепископом Серапионом. Последний будет укорять Волоцкого, что он «ино еси отступил от небеснаго, а пришел к земному (царю. – В.Б.)» [13, с. 175]. Конечно, Новгородский архиепископ имел все основания обвинять Иосифа в ренегатстве, потому как он предал забвению свои бывшие воззрения на превосходство власти святительской над царской. Ведь в раннем слове о поклонении иконам Иосифа находим мысль о том, что святительский клобук «лучши бо есть венца царева – той бо в ад сведет, а сия в жизнь вечную введет хотящих по святому ходити» [3, с. 360]. Однако теперь в жалобе И.И. Третьякову на Серапиона Волоцкий пишет: «И яз того ради такового государя нашел, котораго суд не посужается. Глаголет бо в божественных правилех, яко царский суд святительским судом не посужается ни от кого же в древних летех ни в нынешних ни в тамошних странах, ни в нашей рустей земли, точию един Серапион архиепископ» [4, с. 289].

Подведем итог всему вышесказанному.

Согласно нашим наблюдениям, советские исследователи (Б.А. Рыбаков, А.А. Зимин, Я.С. Лурье) за корпоративными интересами Иосифа Санина не увидели его личных взаимоотношений с носителями верховной власти. Именно они стали определяющими в изменении воззрений игумена о сущности и пределах царской власти. Переход Волоцкого в 1507 г. был обусловлен не столько конъюнктурными причинами, сколько его идеологической цельностью. Еще при жизни отца в послании к наследнику Василию Ивановичу Волоцкий впервые сформулировал мысль о богоподобности его самодержавной власти. Иосиф перешел под патронат Василия III, потому как увидел в нем истинного благочестивого царя, что будет свято хранить вверенное ему Богом «стадо». И неслучайно, наверно, Василий III был единственным великим князем из рода Калитичей, жизненный путь которого закончился пострижением.

Литература

1. Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.
2. Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1857.
3. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955.

4. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1956.
5. Сокольский В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой трети XVI в. Киев, 1902.
6. Жмакин В. Борьба идей в России в первой половине XVI в. // ЖМНП. 1882. № 4.
7. Дьяконов М. Власть московских государей: Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.
8. Коваленский М.Н. Московская политическая литература XVI века. СПб., 1914.
9. Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Вестн. социалистической академии. 1922. № 2.
10. Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М., 1947.
11. Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934. № 3.
12. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.
13. Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1953.
14. Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд // Отечественная история. 1997. №3.
15. Виноградов Н. О конечных судьбах мира и человека. Критико-эзегетическое и догматическое исследование. М., 1887.
16. Творения св. Иоанна Златоуста. Т. XI. Кн. 2.
17. Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.
18. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.
19. Мильков В.В. Комментарии к тексту Откровения Мефодия Патарского// Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997.
20. Хрущев И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.

Поступила в редакцию

22 октября 2009 г.